

можно. Во-вторых, это помогло бы автору скорректировать свое представление о роли общинных начал, ибо община многообразна и в различные исторические периоды может играть различную роль.

Наша критика отнюдь не означает (подчеркнем еще раз) стремления принизить значение исследования И. Гарлана. Наш спор с французским ученым — это спор историков, единых в понимании основного подхода к изучению проблем исторического развития античного мира. Книга И. Гарлана займет заслуженное ей место среди трудов, посвященных социальной истории античности. К ней должны будут обращаться все, кого интересует и волнует эта проблема.

Л. П. Маринович

Studia Phoenicia. Bijdragen van de Interuniversitaire contactgroep voor Fenicische en Punische studies (National Fonds voor Wetenschappelijk Onderzoek)/Travaux du Groupe de contact interuniversitaire d'études phéniciennes et puniques (Fonds National de la Recherche Scientifique). I. Redt Tyrus/Sauvons Tyr. II. Histoire Phénicienne/Fenicische geschiedenis. Ed. Gubel E., Lipiński E., Servais-Soyez B. (*Orientalia Lovaniensia Analecta*. V. 15). Uitgeverij Peeters. Leuven, 1983. 244 p.

В 1983 г. в известной востоковедной серии «*Orientalia Lovaniensia Analecta*» опубликован в качестве 15-го ее тома сборник статей по истории и истории культуры финикийцев под редакцией Э. Губеля, Э. Липиньского и Б. Серва-Суайе. Сборник состоит из двух частей. Первая, озаглавленная «Спасем Тир», содержит материалы коллоквиума, состоявшегося 30 апреля 1981 г. в Королевских музеях искусства и истории в Брюсселе в связи с организованной там выставкой ЮНЕСКО «Спасем Тир, город восьми цивилизаций» в рамках кампании по спасению Тира и посвященного его экономической и политической истории, искусству, археологическим и нумизматическим материалам. Здесь также говорится о деятельности Бельгийского национального комитета по спасению Тира. Вторая часть, озаглавленная «Финикийская история», включает доклады, прочитанные на коллоквиуме, состоявшемся 16 декабря 1982 г. в Институте высших исследований в Брюсселе, и посвященные проблемам истории и археологии Карфагена, Переднеазиатской Финикии, финикийского Кипра, а также представлениям о финикийцах, сложившимся в античной литературе.

Оба коллоквиума были проведены созданной в 1979/80 г. Бельгийской межуниверситетской группой финикийцеведческих и карфагеноведческих исследований. Во введении к первой части сборника Э. Липиньский отметил, что особый интерес этой группы к Тирю обусловлен как выставкой, так и публикацией в течение последних десятилетий ряда монографий, посвященных этому городу, ролью, которую он сыграл в межэтнических и межгосударственных контактах древности.

Статья Г. Бунненса «Тир и море» (с. 7—21) в целом посвящена выяснению обстоятельств, превративших Тир в один из богатейших и могущественнейших торговых городов Средиземноморья, чье влияние простиралось вплоть до Гибралтара. По мнению автора, ситуация в период 1200/1100 гг. до н. э. складывалась благоприятно для движения финикийцев на запад. Речь идет прежде всего о разрушении микенской цивилизации. Кроме того, кризис, охвативший, по мысли Г. Бунненса, весь Восток начиная с XII в. до н. э. и вызвавший разрушение крупных центров (таких, как Угарит), лишил финикийские города, очевидно менее затронутые опустошениями, значительной части источников сырья и клиентуры. Г. Бунненс полагает, что финикийцы стремились найти вдалеке компенсацию тому, что они потеряли на Востоке, — новые месторождения металлов. Автор считает, что в какой-то момент своей истории Тир господствовал над определенными территориями за пределами своей округи, в частности над Сидоном, и это давало ему необходимые ресурсы для экспансии. К тому же естественные условия способствовали его превращению в великолепный порт, существование ко-

того хорошо засвидетельствовано египетскими и ассирийскими материалами. Говоря о развитии мореходного дела, Г. Бунненс выделяет, отталкиваясь от ассирийских рельефов, три типа судов: небольшое суденышко с поднятой кормой и носом, украшенным головой трудно идентифицируемого животного (по его мнению, это суденышко близко гадесским судам, которые Страбон (С99) именует ἵπποι, а также современным мальтийским dghaisa); многовесельные суда, причем Г. Бунненс полагает, что в распоряжении тирян имелись пентеконтеры; торговые суда с округленными обводами, которые греки именовали словом γαῦλος предположительно семитского происхождения. Что касается проблемы «таршишских кораблей», оживленно дискутирующейся в современном финикиеведении, то Г. Бунненс считает, что любых сближение с уже известными типами судов остается чисто гипотетическим, и острожно предполагает, что этот термин вообще не относился к какому-то определенному типу судов, а им обозначались корабли различных типов, на которых из определенных стран привозились драгоценности. Наконец, автор приводит материалы, свидетельствующие об использовании тирянами в их плаваниях на запад северного средиземноморского пути через Кипр, а также вдоль побережья Малой Азии, минуя Родос, к Криту, а затем через Мальту к «финикийскому треугольнику» (Северо-Западный Магриб, Западная Сицилия, Южная Сардиния).

В целом концепция Г. Бунненса соответствует имеющимся в нашем распоряжении материалам, однако его истолкование отдельных деталей вызывает сомнения. Так, в самом начале статьи (с. 7) он пишет, что «ни одно свидетельство, ни литературное, ни археологическое», не подтверждает активности финикиян вне Финикии или непосредственно соседних с ней областей до знаменитых экспедиций Хирама в страну Офир (X в. до н. э.). В этом контексте, вероятно, следовало бы упомянуть и библейское свидетельство (I Цар., 10, 22) о «таршишском корабле» царя Соломона, который раз в три года отправлялся в плавание вместе с кораблем Хирама, вероятнее всего, в Таршиш. Однако гораздо важнее другое. Античная традиция (Plin., NH 16, 216; Ps.-Arist., De mirab. ausc. 134; Vell. Pat., I, 2, 4) позволяет, в частности, датировать основание Утики 1112 г. до н. э. и Гадеса — концом XII в. до н. э. (Vell. Pat., I, 2, 4). Эти свидетельства, никогда и никем не опровергнутые, достаточны для того, чтобы говорить об активности финикиян в отдаленных странах задолго до X в. до н. э., тем более что основанию колоний должны были предшествовать длительные доколониационные контакты. Столь же сомнительно мнение Г. Бунненса об обстоятельствах гибели Угарита (с. 8), причину которой он видит в кризисе, начиная с XII в. потрясавшем весь Восток. Однако в обжитой печи в Угарите обнаружены коши и переводы на угаритский язык ряда документов (они опубликованы в PRU, V), в том числе доставленных извне и не содержащих информации о кризисных явлениях. Можно, следовательно, думать, что Угарит погиб внезапно, в результате естественной катастрофы, разрушившей город. Г. Бунненс для иллюстрации концепции кризиса XII в. привлекает известный рассказ из египетского повествования о поездке Ун-Амуна, а именно о том, как библский царь только после унижительных для Ун-Амуна переговоров соглашается предоставить ему необходимый кедр. Обращение к тексту памятника показывает, однако, что речь здесь идет об утверждении политической самостоятельности Библа, царь которого может, если пожелает, не выполнить желание своего египетского контрагента, а вовсе не о сокращении сбыта.

Статья Э. Губеля «Искусство Тира в первом и втором железном веке; предварительный обзор» (с. 23—52) посвящена важной и до настоящего времени плохо разработанной проблеме. Хронологические рамки изложения, посвященного по необходимости ограниченному кругу памятников, охватывают 1200—900 гг. (I железный век) и 900—555 гг. (II железный век). В статье рассматриваются изделия из слоновой кости, обнаруженные в Арслан Таше, Хорсабаде, Нимруде и других ассирийских городах. Капитель в виде пальмы, выполненная из слоновой кости, картуш на рукоятке скипетра из Нимруда, а также статуи в натуральную величину из Тира и Царепата позволяют Э. Губелю предполагать существование египтизирующего направления в тирском искусстве начала I тыс. до н. э. Изучение терракот из Тира и других финикийских центров и регионов выявило ряд местных мотивов. Среди терракот: мужская голова в высокой конической шапке, типичном финикийском одеянии, известном из Библа эпохи ранней бронзы и употребляемом до настоящего времени ливанскими крестьянами

ми; женщина, играющая на тамбурине, аналогичная терракоте из Телль Шикмонь конца IX — начала VIII в. (возможна традиция, связанная с культом 'Астарты); сидящая в кресле беременная женщина, вероятно богиня (мотив, распространенный в Финикии повсеместно и связанный, как полагают У. Кьюликен, с культом ханаанейской богини деторождения Кушарту¹); посвятителю — мужчины и женщины, причем одна рука их поднята в молитвенном жесте; сидящая богиня, кормящая ребенка. Традиционность тирской коропластики Э. Губель считает возможным объяснить различиями между официальным искусством города, усваивающим стилистику и направление искусства своего политического союзника, и искусством, служившим интересам частных заказчиков. Печати обнаруживают египетские мотивы, но уже в финикизирующем варианте. Египетское влияние в целом достигает своего пика в VIII в. и постепенно падает к середине I тыс. до н. э.

Г. Кестемон в статье «Тир и ассирийцы» (с. 53—78), основываясь на документации: Ашшурнацирапапа II, Салманассара III, Тиглатпалассара III, Синаххериба и Асархаддона, выделяет в Финикии северный и южный регионы. Первый включает области Симиры-Арки, Арвада и Сийанну-Ушну; второй — области Тира, Сидона, Библа и Батруна. На севере преобладающую роль играл Арвад, а на юге — Тир; впрочем, в Южной Финикии существовали два царства: Тирско-Сидонское с центром в Тире (при Синаххерибе и Асархаддоне — в Сидоне) и Библское. Г. Кестемон считает вероятным, что Южная Финикия представляла собой конфедерацию, включавшую под верховной властью Тира также зоны Сидона и Библа. К моменту, когда ассирийцы появились на побережье Средиземного моря, власть Тира распространилась до границ современного Ливана. Этим объясняется, по мнению автора, тот факт, что Ашшурнацирапал II в 876 г. получал дань от Тира в окрестностях устья Оронта. Во время первого похода Салманассара III в 859 г. дань от Тира была получена там же. С этим же Г. Кестемон связывает и упоминание в списках даний, полученных Тиглатпалассаром III, от южнофиникийских городов Тира, Сидона и Библа непосредственно после Хаттины и Куэ, а также импорт царем Соломоном лошадей из Муцура и Куэ при посредстве Тира и употребление финикийского языка в надписях, происходящих из Зенджирли и Кара-тепе. В царствование Тиглатпалассара III Северная Финикия становится ассирийской провинцией. С царствования Саргона II начинается ассирийское наступление на юг Финикии. Основываясь на ассирийском документе ND 2715² (письмо Курдиашшурламура, заместника Кашпуны, Тиглатпалассару III), Г. Кестемон устанавливает, что ассирийские власти стремились обеспечить преимущественное положение Ассирии в финикийской торговле.

К сожалению, некоторые утверждения Г. Кестемона кажутся недостаточно убедительно обоснованными. Так, титул *skn* «управитель» не обязательно означает должностное лицо федеративного государства, как думает автор. Угаритские параллели, которые он, в частности, имеет в виду, показывают, что *skn* мог быть как главой местных городских магистратов, так и царским чиновником; надпись КА I 31 из Лимассола не дает основания для какого-либо однозначного ответа. Доказательства Г. Кестемона в пользу тирского и вообще южнофиникийского «присутствия» на севере Финикии также вызывает сомнения. Получение ассирийскими царями дани от тирян у устья Оронта легко может быть объяснено нежеланием тирского правительства допустить приход ассирийских войск непосредственно во владения Тира. Упоминание в списках плательщиков даний Тира, Сидона и Библа непосредственно после Хаттины или Куэ может объясняться этой же причиной. Доставка лошадей из Муцура и Куэ говорит только о существовании нормальных торговых связей Тира с этими областями. Наконец, употребление финикийского языка в надписях из Сам'ала и Киликии легко объясняется традиционным финикийским культурным влиянием, а для Сам'ала еще и наличием ханаанейского субстрата.

Э. Варменоль посвятил свою статью (с. 79—89) изогнутым мечам, найденным в Сирии и Ливане — в окрестностях Тира, в погребениях Хамата, в одном из погребений Телль 'Арки (Северный Ливан), датированном концом VIII — началом VII в. до н. э. В Хамате обнаружено десять мечей — три бронзовых и семь железных — в кре-

¹ *Culican W. Dea Tyria gravida.* — *AJBA*, 1969, № 1/2, p. 35—50.

² *Saggs H. W. F. The Nimrud Letters 1952.* — *Iraq*, 1955, v. 7, p. 127 f.

мационных погребениях 1200—800 гг. до н. э., из них девять с плоскими эфесами, так называемые Griffenzungenschwerter типа Haue II, родина которых — Центральная Европа; они находились в изогнутом состоянии в погребальных урнах. Автор объясняет соответствующий ритуал присутствием в Хамате критян.

П. Настер изучает в своей статье (с. 91—95) характерные черты тирских монет V—IV вв. до н. э. К ним он относит: указание номинала ($\$l\dot{s}n$ или $l\dot{s}l\dot{s}n$ — $\frac{1}{30}$ мины и $m\dot{h}\dot{s}$ ksr — половина сикла серебра); изображение дельфина, играющего над волнами, или ракушек mugex; на оборотной стороне — изображение совы в египетском стиле с бичом и скипетром Осириса; изменение типа около 400 г. до н. э.: на лицевой стороне дельфин, оседланный Мелькартом; около 340 г. — переход от финикийского стандарта к аттическому.

Тирские монеты императорского времени (преимущественно эпохи Северов) исследуются в обстоятельной статье Б. Серва-Суайе (с. 97—112). Это был период, когда при Септимиусе Севере Тир стал римской колонией, а Элагабал превратил в римскую колонию Сидон. При Элагабале на короткое время обострилось тирско-сидонское соперничество, поскольку Элагабал отнял у Тира его прерогативы, и на сидонских монетах стали появляться образы, которые Тир мог считать своими; в свою очередь Тир в своей чеканке монет обращался к темам, связанным с местными героями. После восстановления римской колонии в Тире в царствование Александра Севера чеканка монет в Тире продолжалась и прекратилась окончательно с гибелью Галлиена в марте 268 г. Сюжеты тирских монет связаны с легендами о похищении Европы, Кадме и Элиссе.

Легенде о Фойнике в Тире посвящена обильно документированная статья С. Бонне-Цавеллас (с. 113—123). Автор прослеживает связи античных и ранневизантийских преданий о Фойнике с Тиром и Карфагеном, а преданий о детях Фойника — с финикийской колонизацией в средиземноморском мире. В образе Фойника С. Бонне-Цавеллас видит греческое воплощение семитского эпонима (Ханаан), которому греки приписали все, что они считали специфически финикийским, — алфавит, музыкальные инструменты, морскую экспансию. Особого внимания заслуживают приведенные в статье материалы о финикийской колонизации Фасоса, где найден храм Геракла VII в. до н. э., причем его культ обнаруживает специфически финикийские черты — запрет приносить в жертву свиней и коз, празднование Сотерии на Фасосе в том же месяце, что и праздник в честь Мелькарта в Тире.

Статья П. Свиггера «Трон Астарты: надпись из Тира II в. до н. э.» (с. 125 — 132) посвящена надписи KAI 17, которая была найдена в Хирбет Тайибе, на юго-восточной окраине Тира, в 1907 г. на подножии каменного трона и датируется II в. до н. э. Надпись гласит:

lrbty l'strt's bgw hqdš
šly'nk 'bd'bst bn bdb'l

«Госпоже моей Астарте, которая посреди святилища, которое принадлежит мне, — я, Абдубасти, сын Бодба'ала».

В целом перевод и интерпретация интересующей нас надписи в статье П. Свиггера не отличается от общепринятых (см. комментарий к KAI) и его полемика против уже отвергнутых истолкований С. Ронцвалля представляется излишней. Комментируя текст, П. Свиггер упоминает правило, согласно которому в древнейшем финикийском письме энклитическое местоимение первого лица единственного числа обозначается на письме (-y) только при имени, находящемся в генитиве, тогда как в более позднее время написание -y упребрежается повсеместно. Следует заметить, однако, что материал, которым мы вынуждены оперировать, слишком ограничен, чтобы этот постулат мог выглядеть убедительно. Весьма странно замечание П. Свиггера, утверждающего, что В. Реллиг не принимает для $qdš's ly$ перевод «частное святилище», поскольку он понимает $'š ly$ как «который принадлежит ей». При этом П. Свиггер ссылается на KAI 11, с. 25, цитируя перевод В. Реллига следующим образом: «welche in ihrem Heiligtum ist». Между тем в соответствующем месте KAI, 11, с. 25 В. Реллиг переводит: «welche in meinem Heiligtum ist». Таким образом, рассуждения П. Свиггера по поводу возможности истолкования энклитического местоимения -y как местоимения третьего лица единственного числа женского рода (что само по себе не исключено) и против такой интерпретации в данном случае, явно направленные против В. Реллига, кажутся беспредметными.

В двух статьях Д. Гомес-Фредерика (с. 133—148) содержится рассказ о деятельности Бельгийского национального комитета по спасению Тира и описание уже упоминавшейся выставки.

Вторая часть сборника открывается статьей Ж. Деберга «Карфаген: археология и история. Порты — Бирса» (с. 101—157). Автор излагает результаты археологических работ, проводившихся по призыву ЮНЕСКО в Карфагене рядом французских, английских, американских и западногерманских экспедиций, в ходе которых существенно изменились наши представления о топографии, истории и цивилизации Карфагена. В статье, в частности, речь идет о развитии карфагенских портовых сооружений от V в. до н. э. до III Пунической войны, подвергавшихся усовершенствованиям и модификациям; свой облик, известный по дошедшим до нас описаниям, они приняли во второй половине и в конце III в. до н. э. На склонах Бирсы между 660—620 гг. находился некрополь; в начале IV в. там появились металлургические мастерские, а с конца III в., после II Пунической войны, — частные дома, архитектура и декор которых соответствовали жилищам Керкуана. Кажется вероятным мнение тех исследователей, которые видят в этом строительстве результат государственной инициативы, более конкретно — деятельности Ганнибала, когда он возглавлял Карфагенское государство.

М. Дюбюиссон посвятил свою статью теме: «Образ карфагенянина в латинской литературе» (с. 159—167). Причину двойственности в изображении карфагенян (народ, цивилизованный и рафинированный со всеми его слабостями и в то же время народ, обладающий недостатками, свойственными обществам, находящимся на низком уровне общественного развития) автор видит в двойственной природе самих карфагеняно-финикиян, смешавшихся с африканскими племенами.

Статья Г. Буннекса (с. 159—193) «Географические соображения по поводу места, занимаемого Финикией в экспансии Ассирийской империи» существенно дополняет статью Г. Кестемона из первой части сборника и уточняет ее положения. Г. Буннекс отмечает, что расположение наиболее процветавших городов Финикии — Тира и Сидона, — в частности, было недостаточно благоприятным для связей с внутренними районами сиро-палестинского региона. Исключение составляет Арвад. Изучая походы ассирийских царей от Тигатпалассара I до Ашшурбанапала, автор приходит к заключению, что, начиная с Салманассара III, Ассирия переходит к планомерному завоеванию Сирии и Палестины. Однако Финикия не входила в эти завоевательные планы, поскольку находилась в стороне от сухопутных путей, ведущих в Египет, к тому же доступ к ней с востока был затруднен. Кроме того, готовность финикийских городов платить дань делала эти походы излишними.

Статья К. Бонне-Цавеллас «Бог Мелькарт в Финикии и в бассейне Средиземного моря: культ национальный и официальный» (с. 195—207) представляет собой краткую сводку свидетельств о почитании Геракла-Мелькарта как в Тире, так и за его пределами. Национальный характер культа автор видит в том, что Мелькарт играл роль защитника и основателя города (Тира), а официальный — в том, что в отпращивании культа принимали участие представители власти.

Статья Э. Липиньского «Кипрский Карфаген» (с. 209—234) содержит исследование всех источников, упоминающих Кипрский Карфаген, прежде всего, разумеется, надписи КА I 31, а также списков данников Асархаддона и Ашшурбанапала. Изучение имени ^mDa-mu-ú-si — одного из царей Кипрского Карфагена (^{URU}Qar-ti-ha-da-aš-ti) — привело Э. Липиньского к мысли, что оно указывает на существование культа Таммуза-Адониса на Кипре, в частности в Карфагене, который автор идентифицирует с Лямассолом.

Заканчивает сборник обзорная статья П. Ватле «Финикияне и гомеровская традиция» (с. 235—243), в которой рассматриваются все упоминания о финикиянах в «Илиаде» и «Одиссее» и приводятся сведения о занятиях финикиян (ремесло, торговля, в том числе похищение людей и торговля рабами), их нравах и образе жизни.

В целом рецензируемый сборник является одним из свидетельств бурного развития современного финикиеведения и того, в общем, высокого уровня, которого оно достигло в Бельгии.